

18

ОБЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ

РУССКИХЪ РАЗБОЙНИЧЬИХЪ

ПѢСЕНЪ.

Н. Аристова.

Nikolai Yakovlevich Aristov

{Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ»}.

✓ П. Гольдштейнъ

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ

1875.

МЕДВЕДЬ

406493

GRISO
A7

Дозволено Цензурой. Москва, 17 Мая 1875 г.

УЧЕБНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БИБЛИОТЕКИ

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I.	Древнія извѣстія о разбояхъ на Руси. Разбой областные. Разбой на Балтійскомъ поморье. Разбой во времена татарщины. Сбоячные люди и ушкуйники. Новгородскій герой Василий Буслаевъ. Борьба Москвы съ областными разбойниками. Илья Муромецъ и станишины. Появление казаковъ въ XV стол.	1—11.
	Казаки при Иоаннѣ IV. Ермакъ съ дружиной. Пѣсни о взятии Сибири. Смерть Ермака. Пѣсня о правежѣ казны. Казачество—источникъ разбоевъ. Атаманъ Хлопка при Годуновѣ. Самозванцы и попъ Емелья. .	11—26.
	Разбой въ царствованіе Михаила Федоровича. Атаманы—Усы. Взятие Астрахани Одоевскимъ. Убіеніе посла Семена Караваева. Пѣсни о князѣ Репнинѣ. Атаманъ Гришка Мурышка. Состояніе народной жизни въ XVII стол. Образъ Горя-Злосчастія. Значеніе казацкихъ воиній.	26—38.
II.	Разбой въ царствованіе Алексея Михайловича. Усиленіе крѣпостничества. Появленіе Стеньки Разина. Донскіе казаки. Разныи на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ. Зимовка его ватаги на морѣ. Возвращеніе на Донъ. Повтореніе разбоевъ на Волгѣ. Взятие Астрахани. Неудача атамана подъ Симбирскомъ. Чародейство Разина. Казнь его въ 1671 г.	38—51.
	Дѣтушки Разина и мелкие атаманы разбойниковъ. Донскіе базаки при Петрѣ Великомъ. Флоръ Мишаевъ. Казни стрѣлецкія. Бунтъ Булавина. Расправа Долгорукаго съ донскими казаками. Бѣгство Некрасова въ Турцию. Разореніе Запорожской Сѣчи. Бунтъ астраханскій. Сыщики воровъ и разбойниковъ. Тяжѣсть царской службы при Петрѣ Великомъ. Разбойники изъ рекрутъ и драгунъ	51—68
	Упадокъ народной поэзіи въ XVIII стол. Сословные и книжныя пѣсни. Иванъ Осиповъ или Ванька Кашинъ. Его оригинальная женитьба. Пѣсни о его похожденіяхъ. Кашинъ—полицейскій сыщикъ. Казнь Васьки Ремезова. Танька Растопинская—атаманъ разбойниковъ и пѣсни о ней	68—81.
	Яицкіе казаки Емельянъ Пугачовъ. Взятие имъ г. Яицка. Пѣсни о похожденіяхъ Пугачова. Пѣсня о Захарѣ Чернышовѣ. Пугачевъ схваченъ. Казнь его 1775 г. Разореніе Запорожья. Воръ Гаврюшка. Измельчаніе разбойническихъ атамановъ и ихъ шакъ . .	81—91

III. Разбойнические пѣсни общія, типическія. Безымянныи удальцы. Историческая бытоваи черты пѣсни. Поэти- ческія достоинства ея	92—95.
Мѣста дѣйствій разбойниковъ. Українскія степи. Муравскій шляхъ. Воронежъ. Степи саратовскія. Донъ и Азовское море. Волга и ея притоки: Сура, Камы- шевка и проч. Жегулевскія горы. Бузанъ. Хвалын- ское море и острова на немъ. Балтійское Поморье. . .	95—106.
Причины возрастанія разбоевъ. Нобужденія къ по- бѣгамъ. Тягости народной жизни. Участіе въ разбо- яхъ лицъ разныхъ классовъ общества. Бояре и ду- ховные. Семейная и домашняя невзгоды. Солдатчина. Брѣпостное право. Бурлачество. Бѣдность. Безшабаш- ная жизнь	106—123.
Бакихъ лицъ преслѣдовали разбойники. Помѣшики, воеводы и губернаторы. Управляющіе помѣстьями и бумистры. Приказные суды. Сборщики податей. За- житочные скучные крестьяне. Торговцы и купцы. . .	123—126.
Обстановка жизни разбойниковъ. Крайности и тре- волженія ихъ быта. Жилье и пища. Броваты и по- стели. Столы и скамьи. Оружіе. Игры. Платы и на- ряды. Щазда сухопутная. Лодки и корабли. Бабакъ и пьянство.	127—135.
Внутренній складъ шаекъ разбойничихъ. Артельное начало. Выборы атамана. Дѣлежъ добычи или дуванъ. Распоряженія атамана. Разбойники прикидываются купцами	135—138.
Свойства и характеръ. Отвага. Чародѣйство и за- говоры. Вѣщняя религіозность. Женщины въ раз- бойничихъ шайкахъ. Ихъ роль и значеніе. Жестоко- сти разбойниковъ. Освобожденіе изъ остроговъ осуж- денныхъ закономъ. Злоба противъ начальниковъ. . .	139—149.
Послѣдняя судьба разбойниковъ. Черныя думы и злевѣщіе сны. Самосудная расправа народа съ ворами. Преслѣдованія разбойниковъ правительствомъ и ихъ неудачи. Погоня за ними и смертельные раны. Взятіе подъ стражу. Пѣсни осторожныя. Тюремное житѣе разбойниковъ. Воспоминанія о волѣ. Надежда на сво- боду. Подкупы властей. Наказанія и казни. Ссыска въ Сибирь и побѣги. Смерть разбойника и завѣща- ніе. Завключеніе.	149—165.

ОВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ РУССКИХЪ РАЗБОЙНИЧЬИХЪ ПѢСЕНЪ.

I.

Извѣстія о разбояхъ на Руси идутъ изъ самой глубокой древности: еще св. Владимиру совѣтывали списовать казнить умножившихся разбойниковъ, какъ полагаютъ, закоренѣлыхъ и непослушныхъ язычниковъ. Много разсказано свѣдѣній о разбояхъ въ жизнеописаніяхъ русскихъ подвижниковъ, напр. Феодосія Печерскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Павла Комельскаго, Михаила Саллоса. Противъ разбоевъ и грабежей вооружались нерѣдко пастыри церкви въ своихъ поученіяхъ. Причиною этихъ явлений съ одной стороны служили духъ средневѣковой отваги и неудержимая удаль: таковы разбойничьи похождѣнія новгородскихъ удальцовъ на Балтійскомъ поморѣ; такого же характера выходки русскихъ князей, которые нерѣдко ёздили на Черное море грабить купеческія суда или нападали на торговые города. Съ другой стороны, черныхъ людей заставляли грабить и разбивать ближнаго бѣдственное положеніе, необходимость добыванія пищи и одежды, послѣ войнъ и разоренія отъ пожаровъ, во время голода и другихъ несчастій. Какъ видно, въ старину отличались воровствомъ и разбоемъ также холопы: одинъ изъ древнихъ процовѣдниковъ убѣждаетъ

бояръ держать челядь свою въ довольствѣ и говорить: «Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего или робу убъютъ у татъбы, то за кровь его тобѣ отвѣщати».

Но встарину разбои не похожи были на смѣлые похожденія, какими отличались народныя движенія въ болѣе позднѣе время. Тогда разбои проявлялись или въ видѣ мелкаго воровства и грабежа, или не имѣли характера противо-государственнаго, такъ какъ не организовалось еще и само государство. При раздробленности древней Руси, разбойнически набѣги на другія области и особенно на басурманскія прикрывались законнымъ и похвальнымъ геройствомъ, упражненiemъ враговъ своей области. Въ то время и самое веденіе войнъ не отличалось отъ разбойническихъ похожденій: непріятель опустошалъ поля въ чужой области, жегъ города и села, тащилъ все цѣнное и забиралъ въ плѣнь жителей. Даже такой человѣколюбивый князь, какъ Владимиръ Мономахъ, и тотъ сознается о взятии Минска: «изъѣхъхомъ городъ и не оставилъ у него ни челядина, ни скотины». Что же касается новгородскихъ опустошеній и грабежей, то они, съ точки зрењія старины, являлись дѣломъ необходимымъ, подвигомъ высокой отваги, направленнымъ противъ враговъ самобытной родины.

Всѣ эти историческія явленія однако почти не нашли отголоска и не отразились въ народной поэзіи, если не считать идущимъ сюда наказъ Амѣлы Тимоѳеевны своему буйному сыну:

Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое,
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля.

Только довольно опредѣленнымъ намекомъ на морскіе разбои Новгородцевъ служить слѣдующая пѣсня:

Какъ во славномъ было Великомъ Новугородъ,
Тамъ жила-была матера вдова,

Въ матерой во вдовушкѣ было девять сыновъ,
А десятая то дочь горькая.
Девять сыновъ ее гулять ушли,
А по-просту — подъ разбой пошли.
Безъ нихъ матеръ дочь за мужъ отдала,
За мужъ за море, за морянина...

Черезъ три года молодая стосковалася по родинѣ и по матери; побѣхали они на трехъ корабляхъ по морю — побывать въ Новгородъ; на третій день плаванія напали на нихъ братья разбойники: самого морянина зарѣзали, сынка его въ воду бросили, а молодушку съ собой взяли. Начали ее разспрашивать, кто она и како-го рода-племени. Отвѣчала имъ молодушка:

А я роду, я роду посадскаго,
А отчество мое — Великій Новгородъ.

Тутъ только разбойники узнали свою сестру. Эта пѣсня по началу своему относится къ глубокой древности; матерая вдовушка напоминаетъ Амелу Тимофеевну, а нечаянное столкновеніе разбойниковъ съ сестрой похоже на пѣсенное изображеніе Татарского по-иона, когда случайность ставила кровныхъ родственниковъ въ самыя трагическія положенія *).

Черты народной фантазіи былинъ о встрѣчѣ древнихъ богатырей съ разбойниками, безъ сомнѣнія, внесены въ позднее время, когда появились въ Россіи большія шайки воровскія. По нѣкоторымъ вариантомъ былинъ, даже такой степенный и добродушный богатырь, каковъ Добрыня Никитичъ, точно бояринъ XVII в., «три года приторговывалъ», а три года приворовывалъ, т. е. разбойничалъ.

Разбои стали усиливаться въ Московскомъ государствѣ послѣ Татарскаго нашествія, и въ XIV стол. приняли довольно широкія размѣры. Становится звѣтнымъ, что вольные люди тяготѣютъ къ украинамъ Руси, имѣютъ притоны въ лѣсахъ около Оки и Воронежа и

*) Воронеж. Бесѣда. 1861 г. 1. 386—8. Пѣсни Рыбникова III, 340; IV, 99.

разгуливаютъ по Волгѣ, хотя мелькаютъ и внутри областей. Когда побѣхалъ митрополитъ Пименъ изъ Рязани къ Дону, князь Олегъ Ивановичъ снарядилъ съ нимъ боярина своего Станислава съ дозвольною дружиною и велѣлъ проводить до Дону «съ великимъ опасенiemъ, разбоя дѣля». При самостоятельномъ развитіи областной жизни, свободѣ переселенія и перехода, въ народѣ держался смѣлый духъ предпримчивости, искаанія приключепій и выгоды. Такая независимая жизнь породила *сбойчатыхъ* людей въ Новгородѣ, которые собирались толпами и отбивали себѣ земли у инородцевъ, а иногда и у другихъ областей русскихъ. Эта вольница вѣчной жизни вскоила и вскорила особый типъ разбойниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *ушкуйниковъ*, которые не хотѣли знать правъ общественнаго союза областей и отправлялись цѣлыми шайками для грабежа въ разныя стороны. Сперва ушкуйники имѣли цѣлью поживиться насчетъ поганыхъ Нѣмцевъ, разъѣжавшихъ по Балтійскому морю, или торговцевъ—нехристей по Волгѣ; но потомъ, когда Московскій князь началъ стѣснять вольныхъ Новгородцевъ, защищать торговые интересы Москвы и даже басурманъ, то охочіе люди бросились на русскіе города, стали грабить московскихъ купцовъ и сторонниковъ великаго князя. Въ XIV в. ушкуйники воевали Устюжну и Бѣлозерскую волость, опустошали Перми и проникли до реки Оби и до Ледовитаго океана, не разъ брали приступомъ Кострому, Нижній Новгородъ и Ярославль, доставалось отъ нихъ Вяткѣ и Арской землѣ; они грабили города булгарскіе и подступали къ Сараю, прогуливаясь по Камѣ и Волгѣ вплоть до Астрахани. Ушкуйники составляли большія шайки, въ родѣ военныхъ отрядовъ, и выбирали иногда предводителей изъ лицъ влиятельныхъ и бояръ. Они держались правила, что басурманъ слѣдуетъ убивать, а христианъ только грабить, но иногда съ своими собратьями поступали хуже, чѣмъ съ иновѣрцами. При взятіи русскихъ городовъ, они забирали все цѣнное, а остальное истребляли, жгли церкви и мучили жителей, а какіе по-

здравъе, тѣхъ уводили въ плѣнъ и продавали Булгарамъ. Самый страшный набѣгъ ушкуйниковъ на Кострому былъ въ 1375 году.

Преданіе о новгородскихъ ушкуйникахъ сохранилось въ былинѣ о Василіи Буслаевѣ; когда этотъ удалецъ поѣхалъ въ Ерусалимъ, онъ встрѣтилъ на пути знакомыхъ торговцевъ. Эти гости—корабельщики спрашиваютъ:

Здравствуй Василій Буслаевичъ!

Куда изволилъ молодецъ погулять?

Отвѣчалъ Василій Буслаевичъ:

«А мое-то вѣдь гулянье неохотное:

Съ молоду бито много, граблено,

Подъ старость надо душу спасти».

За тѣмъ купцы предупредили Василія, что на доро-гѣ самой удобной онъ встрѣтить разбойниковъ. Отваж-ный малый, какъ обыкновенно древніе сказочные бога-тыри, выбираетъ ту самую ближайшую дорогу, которая исполнена опасностей.

На славномъ морѣ Каспійскіимъ,

На томъ острову Куминскіимъ

Стоить застава крѣпкая,

Стоять атаманы казачіе,

Ни много, ни мало—три тысячи:

Грабить бусы, галеры,

Разбиваются червлены корабли.

Хотя разбойники здѣсь и носятъ название атама-новъ казачіихъ, но по ихъ отношеніямъ къ Буслаеву, можно основательно опредѣлить, что эти молодцы нов-городского происхожденія. Они уже знакомы со славой своего земляка—героя и какъ только завидѣли полетку соколиную и поступку молодецкую Буслаева, вздивова-лись, что не видали такого молодца цѣлыхъ 30 лѣтъ, какъ стоять на острову,—и мѣтко опредѣли: «Знатъ-де идетъ Василій Буслаевичъ! Василій поклонился имъ, какъ людямъ одного ремесла; по приглашенію разбой-никовъ, онъ сѣялъ съ ними за одинъ столъ хлѣба-соли кушать; за тѣмъ дали ему подарки, изъ чиста серебра, красна золата и скатнаго жемчугу. Буслаевъ поклони-

ся имъ опять, поблагодарилъ за ласковый пріемъ и вы-
просилъ у нихъ молодца провожатаго до Ерусалима. На
обратномъ пути онъ подалъ письмо въ руки атамановъ,

Что много трудовъ за ихъ положилъ:

Служилъ обѣдни съ молебнами

Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,

Что съ молоду бито много, граблено.

Ясно, что Буслаевъ, хотя держитъ себя степенно и
много не баетъ съ разбойниками, въ виду богомольной
цѣли своего путешествія, но онъ сочувствуєтъ ремеслу
ихъ, и если бы не желаніе замолить старые грѣхи на-
доискушившей буйной молодости, онъ пожалуй не прочь
бы стать ихъ атаманомъ. Онъ относится къ нимъ какъ
набольшій, но въ тоже время раздѣляетъ съ ними тра-
пезу, береть подарки и молится въ Ерусалимѣ за гра-
бителей. Все это не мудрено въ такомъ вольномъ балов-
иѣ, у которого тоже съ молоду много бито и граблено.
Когда огецъ его Буслай былъ живъ, въ Новгородѣ не
разошлись классы общества такъ далеко, какъ при его
сынѣ,—бояре съ мужиками жили еще дружно, къ силѣ
и могуществу тѣхъ и другихъ.

Во славномъ Великомъ Новгородѣ

А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ,

Съ Новымъ-городомъ жилъ не перечился,

Со мужики новгородскими

Ноперегъ соловечка не говоривалъ...

Послѣ его вѣку долгаго,

Оставалось его житѣ-бытье

И все имѣніе дворянское...

Слѣдовательно, составъ былины о Василіи Буслаевѣ
относится уже ко времени разгара борьбы между боя-
рами и мужиками, или большими и мизинными людьми
Новгорода, какъ видно изъ отношений героя къ нисшему
классу народа. Дѣйствительно, это время особенно бо-
гато похожденіями ушкайниковъ, которыхъ и нельзя от-
мѣчать въ собственномъ смыслѣ клеймомъ разбойниковъ.
Ихъ ремесломъ было продолженіе областной борьбы со
всей ея грубой безправной удалью; ихъ набѣги служать

образцомъ военныхъ дѣйствій противъ ненавистныхъ областей; Буслаевъ считалъ ихъ занятія болѣе серьезными дѣяніями, чѣмъ шалости молодыхъ людей.—Однако московское правительство, которое стало распространять свое сильное вліяніе на другія области, усвоило другое воззрѣніе на подобныя шалости. Оно и нападенія на Татарь стало считать за разбойничіи выходки, какъ видно изъ истории съ Шевкаломъ и княземъ Александромъ Тверскимъ, потому что само отъ Татарь заимствовало свою виѣшнюю силу. Точно также оно не могло равнодушно смотрѣть и на разгромы приволжскихъ областей новгородскими ушкуйниками и на ихъ грабежи вост.чныхъ купцовъ, торговавшихъ съ Москвой, хотя самъ Новгородъ разсуждалъ объ этомъ явленіи весьма снисходительно, какъ и Буслаевъ, смотрѣль сквозь пальцы на погромы отъ своей молодежи. Московский князь Димитрій Ивановичъ въ 1367 г. спрашивалъ Новгородцевъ съ раздраженіемъ: «За что есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили много?»—они отвѣчали уклончиво: «Ходили люди молодыи на Волгу, безъ ящего слова, но твсихъ гостей не грабили, только били бесерменъ, а ты нелюбие отложи отъ васъ». Пріобрѣсенная ушкуйами и грабежомъ добыча, по взглѣду Новгородцевъ, не заключала въ себѣ ничего предосудительного и считалась достойной наградой удалцовъ; предводители ушкуйниковъ не только не возбуждали презрѣнія, но и выбирались иногда въ высшія общественные должности.

Московскій князь, для которого мѣстные интересы были уже дѣломъ, если не постороннимъ, то второстепеннымъ, не поддался убѣжденіямъ Новгородцевъ и настоялъ на своемъ. Въ областныхъ договорахъ встрѣчается выраженіе и рапьше половины XIV в., чтобы разбойниковъ и татей не защищать, «но выдана ихъ по исправѣ». Вероятно, это условіе значилось больше на бумагѣ, чѣмъ на практикѣ, и великій князь Московскій придалъ ему настоящее значеніе, такъ что въ 1390 г. даже Псковичи съ Новгородцами заключили условіе—

выдавать ушкуйниковъ другъ другу, «кто въ путь ходилъ на Волгу». Такимъ образомъ вредъ, наносимый удалыми молодцами, признанъ былъ противозаконнымъ и противообщественнымъ, хотя только официально, по принужденію Москвы.

Новгородскіе ушкуйники служать какъ бы переходной дружиной народной отъ древнихъ оборонителей земли русской и враговъ иноземщины къ составленію шаекъ воровскихъ людей и казаковъ. Можетъ быть, поэтому Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ села Карабарова, по изображенію былинъ, обходится съ разбойниками не такъ, какъ новгородскій бояринъ Василій Буслаевъ, истреблявшій мужиковъ сотнями. Да и разбойники встрѣчаютъ Илью не только не съ почетомъ, какъ новгородскаго богатыря, но нападаютъ на него, «хотять старого ограбити». Всѣ эти признаки еще болѣе поздніе. Дѣло происходитъ въ притонѣ воровскомъ, въ Муромскихъ или Брынскихъ лѣсахъ, а по другимъ пересказамъ—на Волгѣ или на морѣ Хвалынскомъ; въ обоихъ преданіяхъ просвѣчивается одинаковый смыслъ, что поздніе разбойники считаются, въ сравненіи съ древними богатырями, совершеннымъ ничтожествомъ. Былина носить наслоенія изъ разныхъ эпохъ русской жизни; главный мотивъ ея такого рода:

Наѣхали на старого станишники,
По нашему русскому—разбойники,
Кругомъ его старого облавили,
Съ душой, съ животомъ разлучить хотять.
Говорить имъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
Убить меня старого вамъ нѣ-за что,
А взяти у старого нечего».
Вымалъ онъ изъ наушна крѣпкой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлу каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старой по сырому дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Станишники съ коней попадали.

Угодила стрѣла въ сыръ краковистый дубъ,
Иломала въ черенья пожовые.
Ото того-то вѣдь грому богатырскаго
Того-то вѣдь станишиники иснугались,
А и пять они часовъ безъ ума лежать.
А и будто ото сна^{сами} пробуждаются,
А всѣ они станишиники бытъ челомъ:
Ты старой козакъ Илья Муромецъ!
Возьми ты насть въ холопство вѣковѣчное,
Дадимъ рукописанье служить до-вѣку.
Говорить Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы станишиники,
Поѣжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
Про старого козака Илью Муромца.»

Въ послѣднихъ словахъ заключается угроза Чурилѣ съ дружиной, потому что они совершили тоже разбойничіи нашествія на мирныхъ сельчанъ и горожанъ кіевскихъ, опустошали и разоряли ихъ огороды, оскорбляли женщинъ и вообще *уродствовали* по Кіеву. Въ лицѣ обидчика и насильника Чурилы читается нравоученіе и станишинкамъ, которые занимаются одинаковымъ съ нимъ ремесломъ; Илья наискомъ говоритъ тоже, что высказалъ татарскимъ царевичамъ:

Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь не пуста стоять,
На святой Руси есть сильны-могучи богатыри. *)

А въ другихъ былинахъ того же склада еще сильнѣе выдается сатирическое воззрѣніе народа на разбойниковъ: тамъ они просить Муромца не о холопствѣ вѣковѣчномъ (*черта самая поздняя*), но о томъ, чтобы онъ взялъ ихъ во товарищи, во донскіе казаченьки, или сталъ бы ихъ атаманомъ. Но миссія Ильи заклю-

*) См. Илья Муромецъ. О. Миллера. Спб. 1870, стр. 289, 293, 572.

чается въ оборонѣ и охраненіи святорусской земли отъ насилий и обидъ; онъ помнитъ высокое завѣщаніе родителей:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ полѣ христіанина,—

и съ презрѣніемъ смотрѣть на ремесло разбойниковъ, считая ихъ не выше животныхъ. На ихъ просьбу быть у нихъ атаманушкой,—онъ отвѣчаетъ: «У отца я былъ у матери, не охочъ я былъ стадо пасти,» и отказывается отъ предложенныхъ ему подарковъ; этотъ не похожъ на Василья Буслаева!—Изъ нѣкоторыхъ былинъ видно, что разбойники замѣняютъ иногда Татарь и Литву и такимъ порядкомъ вмѣсто иноплеменныхъ притѣснителей историческихъ являются свои насильники и угнетатели. Презрительное обхожденіе Ильи Муромца съ разбойниками должно было возникнуть не раньше того времени, когда удалые молодцы перестали служить исключительно земству, вѣдаться съ одними врагами родины и очищать дороги прямовѣзжія, а стремились также и поживиться на ея счетъ. Это была пора сложенія казацкихъ общинъ, когда московскій правитель «подклинялъ подъ свою крѣпкую и высокую руку» область за областью и вводилъ строгіе порядки, противные вольницѣ. Типъ древнаго богатыра покраился въ глазахъ Москвы лишней отвагой, безцокойшимъ характеромъ и неповиновеніемъ власти; но богатырь, величаемый уже разбойникомъ и воромъ, все еще служить землѣ родной, желаетъ ей величія и славы, посвящаетъ на эту высокую задачу свои силы и нерѣко жертвуетъ жизнью. Въ разсказахъ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ разбойниками выражается преемственное отношеніе младшихъ богатырскихъ силъ, которая тратили земскіе люди, оберегая святую Русь совершенно безкорыстно, къ тѣмъ же силамъ, когда земля зашаталась отъ татарщины и отъ развитія московскаго деспотизма.

Дѣйствительцо, типъ богатыря этого времени носить уже характеръ двойственный: казаки на столько же охраняютъ украины Руси, на сколько грабятъ внутри Москов-

ское государство; старина отказала имъ въ наследство беззавѣтную жажду воли, а современная жизнь воспитала жестокій нравъ. Иногда въ былинахъ съ такимъ характеромъ является *старой козакъ Илья Муромецъ*, который уже сближается въ народной фантазіи съ замѣчательнымъ казакомъ—разбойникомъ Ермиломъ Тимоѳеевичемъ и относится къ нему, какъ дядя къ племяннику. Нагулявшись вдоволь по Каспійскому морю и по Волгѣ, разграбивъ много судовъ и чужихъ и государевыхъ, Ермакъ сдѣлалъ громадную заслугу Россіи завоеваніемъ царства Кучумова въ Сибири. Это—первообразъ тѣхъ безpardонныхъ, но величавыхъ личностей, которыхъ грабили и русскихъ и инородцевъ, какъ придется, и добывали Московскому государству новые земли на краю Сибири, выноси всевозможныя лишенія и невзгоды.

Казачество становится извѣстнымъ въ Рязанской украинѣ съ 1444 г., во выходить наружу, когда московская сила налегла всею своею тяжестью на областную жизнь при Іоаннахъ III-мъ и IV-мъ. Одни бѣжали на украину въ притоны казацкіе, стараясь добиться старой вольности, другие отъ преслѣдованія правосудія, трети возмущены были despотизмою московскимъ и кромѣшниками Грознаго. Такимъ образомъ, составились братскіе союзы изъ беспокойныхъ людей, всю жизнь которыхъ можно назвать разбоемъ и грабежемъ. Вольная разгульная жизнь, исполненная опасностей и приключений, привлекала многихъ охотниковъ до свободы въ казачьи круги, гдѣ преданіе и обычай связывали всѣхъ въ одну семью и скрѣпляли строже всякаго письменнаго закона.

Эти беспокойные головы по Даѣпру и Дону служили заставой Россіи стѣ набѣговъ Туровъ и Крымскихъ Татаръ, впрочемъ не щадили русскихъ владѣній и людей. Въ 1578 г. Крымскій ханъ добивался въ Москвѣ, чтобы Русскіе свели или согнали съ Даѣпра и Дона казаковъ; а ему отвѣчали, что царь не считаетъ этихъ бѣглецовъ своими подданными и приказалъ ихъ предавать казнамъ, если они появятся въ предѣлахъ русскихъ.